

ЗАСТЫВШЕЕ ВРЕМЯ

Сергей Коваленко, методист, кандидат педагогических наук

Лагерю «Солнышко» посвящается

Ординарное "профсоюзное" пастбище — настольный теннис, «1-й отряд из воды, 2-й в воду!», привес-прирост-понос и тихая лирика жизнелюбивых мальчиков по ночным кустам — дополнительное образование для особо одарённых школьников.

(В. Ланцберг)

Самое начало

Мы попали в этот лагерь не случайно. Я говорю «мы», потому что вместе со мной перипетии этой многогранной истории переживало чуть больше десятка студентов одного педагогического вуза столицы, находящегося в подчинении Департамента образования.

Само собой, что студенты педагогического вуза в своей многотрудной учебной деятельности должны в соответствии с учебным планом хоть разок, а встретиться с живыми детишками. И так уж было принято, что встречались они в школе, потому что ранее существовавшая практика обязательного пребывания студентов в летних лагерях как-то забылась в девяностые — в том числе и из-за развала этих самых лагерей. Но вот тут в умах наших старших товарищей родилась мысль — а не возродить ли эту славную традицию?

И вот благодаря этой мысли ваш покорный слуга, а вместе с ним и 13 студентов оказались в этом лагере. Этому предшествовало множество разных событий, но всё по порядку.

Называлось это гордым словом «Проект «Лето моей мечты». Возможно, кто-то и мечтал о таком лете, но только не я. И вероятно, не студенты, которые были со мной. В рамках этого проекта, мы вместе со студентами написали программу трёх лагерных смен и стали предаваться фантазиям, как мы сумеем развернуть свои творческие способности. Жизнь, правда, постепенно опускала нас с небес на землю, но тогда мы ещё не представляли, насколько высок уровень наших заблуждений.

Первоначальное представление о ситуации, согласованное, в том числе, и с лагерем, выглядело так: мы (то есть я и студенты) занимаемся реализацией программы, сиречь творчеством с детьми. Все вопросы, касающиеся времени между приёмами пищи, тихими часами и прочим, — наши. В нашем распоряжении вся материально-техническая база и прочее и прочее.

Чуть позже выяснилось, что в лагере на каждом отряде (а всего их девять) кроме нашего студента-вожатого будет работать воспитатель — сотрудник лагеря. Меня это сразу насторожило, но меня поспешили успокоить коллеги, апеллировавшие к договорённости с лагерем, которая гласила, что воспитатели, дескать, будут отвечать за жизнь, здоровье, быт, кормить детей, утирать им носы и следить, чтобы они убирались в комнатах. Ни на что другое они претендовать не станут. Мне почему-то казалось что станут, но тогда меня не послушали. Глупые.

Кражи

Наша смена, не успев начаться, сразу окунула нас в гушу событий. Уже на третий день, когда мы только-только разобрались в ситуации, привыкли к распорядку и кое-как успели выучить как кого зовут, начались приключения.

Первым неожиданным ярким событием второй смены стала кража. Впоследствии я узнал, что в этом не было ничего неожиданного — крали в этом лагере постоянно — но я, как уже говорил, привык к хорошему, и для меня это было неожиданно и весьма неприятно.

Чтобы вы поняли, как это могло произойти, я сначала расскажу вам об устройстве системы жизни в лагере в смысле помещений. В здании было три этажа. На третьем этаже, самом верхнем, жили девочки. Кроме детских палат, там было ещё несколько комнат, где жили кое-какие воспитатели, но это не столь важно. На втором этаже жили мальчики и тоже кое-какие воспитатели. Ещё вожатые. Ваш покорный слуга тоже жил там. Коридоры и третьего и второго этажей просматривались насквозь камерами наблюдения.

На первом этаже жилых комнат не было. На первом этаже были отрядные комнаты, где дети должны были собираться, играть, общаться и так далее — в плохую погоду. Там же на первом этаже были раздевалки — комнаты, где лежали детские сумки и чемоданы. Также на первом этаже была столовая и все кружковые помещения.

Так вот, особенность организации системы жизни была в том, что в разное время можно было попасть исключительно в определённые места. Вы же знакомы с распорядком, так вот, в тот самый момент, когда после умывания и зарядки дети спускались из своих жилых палат на первый этаж на линейку, двери на лестницу перекрывали. Ну, то есть их, конечно, грозились всё время закрыть на ключ, но сами понимаете, ряд воспитателей жил на втором и третьем этаже, плюс всё-таки какие-то вещи могут понадобиться, хотя с самого начала смены декларировался — угадайте кем? — лозунг: «Всё, что тебе понадобится в течение дня, надо взять из палаты с утра и положить в отрядную комнату!». Учитывая то, что дети почти никогда

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

сразу после подъёма не знали, что им предстоит днём — спортивные соревнования ли или участие в театральных сценках, вот и подумайте, удобно ли это было.

Сделано это было с несколькими благими целями. Во-первых, чтобы в любой момент в палатах была идеальная чистота, а её наводили оставшиеся там во время линейки дежурные — подметали, натягивали покрывала и ставили уголок подушки. Подразумевалось, что внезапно нагрянувшая СЭС просто не может не упасть в обморок от счастья при виде такой сногшибательной красоты.

Во-вторых, такой режим якобы сильно снижал возможность краж — когда нет возможности бесконтрольно одному войти в палату, тяжело что-то украсть. Ага. Как бы не так. Будущее это показало.

Так вот, поскольку насовсем перекрыть доступ на жилые этажи всё же не удавалось, на вход ставили дежурных. Это были дети — представители дежурного отряда (был и такой), которые, сверкая красными повязками, должны были бдительно наблюдать за тем, чтобы на этаж не просочился враг. На этаж пройти легально можно было воспитателям, вожатым — короче всем взрослым, а детям — исключительно в их сопровождении. Нужно тебе носки переодеть, в общем, заарканил своего вожатого, прошёл с ним через заградительный кордон, дошёл до палаты и там под его недремлющим оком переодел носки. И так же обратно. Никакого криминала.

Конечно, это было жутко неудобно. Особенно детям помладше. Ну подумайте сами — способен ли ребёнок пяти лет с утра в восемь часов (когда его только что разбудили) додуматься до того, что ему понадобится в течение дня из одежды и предметов быта?

Но это досужее размышление. Наш рассказ — о кражах. Несмотря на этот суровый полицейский режим в третий же день в одной из палат девочек кто-то разбросал все вещи и кое-что по мелочи украл — еду там, чипсы, печенье. В общем, враг прокрался незаметно.

Это событие тут же стало народным достоянием, и на планёрке, а затем и на линейке директор долго, грозно, а главное, безысходно кричал о том, что...

В ответ на это на следующий день последовала вторая кража. Она состоялась в отсутствие директора во время дискотеки, и я, пожалуй, опишу, как это было, поподробнее. Это стоит того, поверьте.

Итак, с утра на линейке директор долго орал о том, что «это просто свинство...», «да как у вас хватает совести...», «вы немедленно должны...» ну, и так далее. А этот день был не просто рядовым днём лагеря, это был день открытия второй смены — третий день. Ну, и предполагались разнообразные события как и в первой смене.

Всё было абсолютно также — тот же самый концерт, с абсолютно теми же номерами, правда, слава богу, весёлые старты всё же проводить не стали. Видимо, небо услышало мои призывы, и вместо них провели футбольный матч между командой вожатых и детей. Это было более зрелищно, а главное, не так экстремально.

Вечером, когда основные торжественные события закончились, и директор счёл, что он может предаться законному отдыху, и ушёл домой, была праздничная дискотека. Праздничная — значит, на полчаса или час больше обычного. Такой вот праздник. На дискотеки, как я уже говорил, ходили в основном малыши.

Так вот, в самый разгар «праздничной» дискотеки к нам прибежал мальчик из первого отряда (некто Паша) и, заикаясь, сообщил,

что у него и его друзей пропали два мобильных телефона, дорогие украшения у девушек и три тысячи рублей.

У меня сразу возник вопрос: а зачем в лагере, где нет магазина, а за территорию не пускают, три тысячи рублей, но он остался без ответа.

Вслед за этим события стали развиваться с невероятной быстротой. Новость облетела население лагеря и долетела до Татьяны Александровны — заместителя директора, которая осталась вместо директора блюсти покой и праздник.

Татьяна Александровна тут же распорядилась прекратить дискотеку, а отрядам разойтись по отрядным комнатам. На наш вопрос — а зачем? — она сообщила нам, что мы (старшая вожатая, я, вожатые...) должны пройти по отрядам и побеседовать с каждым отрядом серьёзно о произошедшем вопиющем событии.

Разубеждать её мы ни в чём не стали, потому что знали, что это бесполезно, и сделали вид, что пошли серьёзно беседовать. Татьяна Александровна с нами не пошла, и когда мы «делали вид» уже с четвёртым или пятым отрядом, до нас донеслись радостные вопли.

Мы удивились, но ещё большее удивление наступило, когда оказалось, что дискотека продолжилась. Как выяснилось впоследствии, Татьяна Александровна спустя некоторое время поинтересовалась у первого отряда «не устали ли они?» и, получив отрицательный ответ, решила, что дискотеку надо продолжить.

На наш вопрос: «Как же так?!» был получен суровый ответ: «Сегодня открытие смены. Нельзя лишать детей праздника».

Немая сцена.

На следующее утро пришёл директор. Это было что-то. Скажу честно, если бы

на меня кто-нибудь когда-нибудь так кричал, я бы, наверное, испугался. Причём как за себя, так и за этого человека.

Но кроме того, что это было громко и долго, это было ещё и невероятно зрелищно. Я уверен, что харизма этого человека явно была предназначена для чего-то более глобального и значимого, нежели быть директором детского лагеря. Здесь скорее был бы к месту вождь революции. Или хотя бы драматический актёр, исполняющий амплуа злодеев.

Я никогда не думал, что можно так долго кричать. У меня вот лично банально бы не хватило голосовых связок. Думаю, что это годы тренировок.

Главное, что можно было понять во всём этом крике, это то, что он возмущён таким поступком и что вора непременно найдут, а если у него есть хоть капелька совести — хорошее слово — совесть, то он должен сам — сам! — прийти к директору в кабинет и во всём признаться. И тогда ему ничего не будет. Директор обещает.

Ну, а если нет... Бойтесь, воры, у нас есть записи камер наблюдения — мы их обязательно посмотрим и сразу же выясним, кто этот нехороший человек.

Я тогда (да и сейчас всё-таки) был ещё очень наивен и верил в сказки. Поэтому спросил у двух ребят отряда, кажется, из третьего, когда мы все выходили с линейки:

— Ну, и что теперь будет?

Они посмотрели на меня как на глупого.

— Что будет? Да ничего не будет. Поищут и перестанут.

— А как же камеры? — удивился я.

— Да они не записывают. Уличные записывают, а в здании нет, — засмеялись ребята, выдав тем самым полную осведомлённость о государственных тайнах лагеря, явно лежащих под грифом «Секретно».

Я в очередной раз поразился глубине и разнообразию жизни и не отказал себе в удовольствии по истечении поставленного директором срока

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

поинтересоваться у него, явился ли кто-то к нему в кабинет с повинной.

Директор замялся и сказал мне, что нет, но... у них есть подозрения, и они обязательно найдут того, кто это сделал...

Небольшие кражи (еда, деньги) продолжались всю смену. И третью тоже.

Медики

Отдельную главу я хотел бы посвятить людям в белых халатах — тем, кто, вероятно, давал клятву Гиппократа в начале своей профессиональной деятельности. Вы, наверное, уже догадались, что я говорю о медицине.

Поскольку лагерь «Солнышко» в течение учебного года превращался в санаторно-лесную школу №1, с медицинским обеспечением там было всё в порядке. Замечательный изолятор, укомплектованный полностью штат медицинских работников (их было человек пять или около того).

Я вообще-то в принципе не очень люблю общаться с представителями медицины в рамках их профессиональных обязанностей — а особенно в детских лагерях. И не потому, что это плохие люди — а пусть лучше все будут здоровы. Особенно дети и особенно когда они приехали отдыхать. И детям хорошо, и вожатым и врачам спокойней. А с врачами я с удовольствием готов пообщаться на любые другие темы.

Жизнь, однако, поворачивается не так, как нам хотелось бы, и уже в четвёртый день смены один из ребят первого отряда во время футбольного матча получил травму — большую ссадину головы. Надо сказать, что травму он получил совершенно спонтанно (упал и ударился головой о штангу ворот) и при большом скоплении народа, в том числе там же был и директор. Так что обвинить

кого бы то ни было в несоблюдении техники безопасности и тем самым возложить вину не удалось. Хотя, я уверен, очень хотелось.

Ребёнку была оказана первая помощь на высокопрофессиональном уровне, и он тут же был препровождён в медпункт. Врачи его сразу же осмотрели и сказали, что вполне вероятно сотрясение мозга и ребёнка надо отправить в больницу. Для этого, очевидно, требуется вызвать скорую помощь. На наш ответ «Ну так вызывайте!» врачи ответили, что они не могут — им требуется медицинская справка ребёнка, с которой тот приехал в лагерь.

К слову говоря, медицинские эти справки были в первый же день собраны и отданы врачам. Врачи же утверждали, что медицинской справки именно этого ребёнка у них нет и она скорее всего у вожатого — он, мол, забыл её отдать.

Наша старшая вожатая Катя, которая взяла на себя основные хлопоты по сопровождению этого ребёнка, в третий раз сбегала к вожатому, чтобы в третий раз услышать от него что он отдал в медпункт ВСЕ справки.

Меж тем время идёт, ребёнок лежит в медпункте и жалуется на больную голову. Врачи не вызывают скорую помощь — у них нет справки! Мы с Катей плюнули на это всё и вызвали скорую помощь сами — с вахты, потому что знали точно — никаких справок скорой помощи не требуется.

После этого Катя в ультимативной форме сообщила врачам, что скорую помощь она вызвала, и пусть врачи готовятся к отправке ребёнка. Врачи от испуга тут же отыскивали в своих завалах потерянную медицинскую справку и стали готовиться. В это время Катя решила пообщаться с ребёнком и поинтересовалась у него, не было ли у него каких-нибудь заболеваний головы? Ребёнок напрягся и вспомнил, что некоторое время назад болел менингитом — для тех, кто не знает, это начало воспаления мозга — весьма неприятное инфекционное заболевание. Врачи, услы-

шав этот факт, растерялись окончательно и, чтобы мы не выяснили ещё что-нибудь ненужное, поспешили увести ребёнка из зоны нашего доступа, мотивируя это тем, что «ему нельзя разговаривать».

Приехала скорая помощь и увезла ребёнка. Медсестра, которая по идее должна была уехать вместе с ним (когда ребёнка увозят на скорой в больницу, с ним должен присутствовать кто-то из взрослых из того учреждения из которого его увезли), почему-то не уехала, потому что не знала, «как же это она потом доберётся назад одна до лагеря». Немая сцена.

Наша старшая вожатая Катя проговорила кучу денег на своём мобильном, разговаривая постоянно то с этим ребёнком, то с его родителями, то с врачами из больницы, куда его привезли...

В общем, всё кончилось хорошо. Но к местным врачам после этого случая я стал относиться настороженно. И, как показало будущее, совсем не зря.

Следующий забавный эпизод из жизни медиков произошёл спустя несколько дней. Вожатая Аня, работающая в 9 отряде (это самые маленькие дети — 6-7 лет), привела в медпункт мальчика с ушибом руки. Мальчик или упал, или ударился — история об этом умалчивает. Дело было между полдником и ужином — примерно пять часов дня. Постучавшись в двери медпункта и не услышав ответа, Аня толкнула дверь и её глазам предстала следующая картина. За столом восседала врач и обедала — второе там пюре картофельное или что-то вроде этого. Аня извинилась и попросила посмотреть ребёнка, у которого болит рука. На что был получен следующий ответ:

— Слышишь, дорогая! Я, конечно, здесь врач, но ты что, не видишь — я ем?!

Аня была девушка скромная и от потрясения извинилась ещё раз и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Апофеозом общения с медиками стал случай с Машей. Маша была вожатой первого отряда, и довольно внушительной вожатой — и рост, и все остальное у неё были вполне представительными. Довольно часто у людей при такой представительной внешности бывают проблемы с сердцем, и Маша была не исключение. Ситуация развивалась следующим образом.

Был тихий час. Все вожатые, уложив своих детей, собрались в актовом зале, чтобы отрепетировать выступление на очередное творческое дело. Зал был почему-то занят, и мы вышли в холл между актовым и спортивным залом. Шла репетиция, и вдруг Маша побледнела и осела по стене. Мы кинулись поднимать её, подняли и поняли, что ей не стоит дальше репетировать. Держа её под руки, повели в палату, но на первом этаже ей снова стало плохо, и мы смогли только усадить её на диван в коридоре.

Катя побежала в медпункт за врачом, а я остался рядом с Машей. Спустя несколько минут Катя вернулась, но почему-то одна. Наш диалог выглядел примерно так:

— Где врач?

— Я объяснила ситуацию, но они не пошли. Сказали: «Что, человек сам не может пойти в медпункт?»

Немая сцена на этот раз была очень короткой, потому что во вторую секунду я уже бежал в медпункт. Скажу сразу — я вообще-то человек сдержанный, но на этот раз... В общем, я привёл врача. Она с очень недовольным лицом пришла, измерила Маше давление и дала какую-то таблетку. Мы уложили Машу на кровать и, наконец-то вздохнув, в очередной раз поразились глубине и разнообразию жизни.

Вредные привычки

Пришла пора поведать о том, чем же занимались милые детки в те моменты, когда им было нечем заняться. А нечем заняться им было довольно часто, особенно старшим ребятам, потому что во всех этих игротехах, макраме и изостудиях торчали исключительно дети младшего и среднего школьного возраста, а детей старшего школьного возраста они как-то уже не привлекали.

Ещё в момент инструктива я поинтересовался у Татьяны Александровны, как же обстоит дело с курением в их лагере. Для меня это был большой вопрос, и мне было интересно, как он решается в этом образцово-показательном учреждении Департамента образования. Татьяна Александровна замялась и сказала, что это неизбежно, курящие дети, безусловно есть... Они с этим борются, но не всегда получается... В общем на смене обычно бывает несколько (три-четыре) курящих ребёнка, и они курят в специально отведённом месте, где их никто не видит.

Когда в первый день я увидел «курилку», мне стало немного дурно, потому что я испугался за этих трёх-четырёх курящих детей. Если бы они выкурили всё то, что там лежало, то их лёгкие уже явно должны были быть наглядным пособием к широко известному учебному кинофильму о вреде курения, который многие из нас видели в школьные годы.

Спустя некоторое время я увидел, сколько на самом деле детей курит в этом лагере, и у меня отлегло от сердца. Самое интересное, что они даже и не думали прятаться или скрываться, а вытащить их из «курилки» для того, чтобы провести какое-нибудь дело, было практически невозможно. Дорога от корпуса до «курилки» напоминала дорогу паломников в Мекку, и постоянно вспоминались слова классика: «Не зарастёт народная тропа...».

Где уж ей, бедной, было зарости. Её ежедневно топтали сотни детей. В любое время суток, при любой погоде там торчали от пяти до нескольких десятков подростков. Впрочем, нет. В моменты особо сильного дождя (а в третьей смене вся вторая половина была один сплошной дождь) старшие ребята ленились идти в «курилку» под дождём и, прячась под козырьком фасада здания, обходили его кругом и скрывались с целью приобщения к никотиновой зависимости в маленьком полуподвальчике, ведущем, видимо, в столовую.

Были и такие, которые не могли выдержать два с половиной часа заточения в палате во время тихого часа и ночь в корпусе и не покурить. Эти товарищи, ничтоже сумняшеся, курили в туалетах. Там их гоняли вожатые, воспитатели, Татьяна Александровна и сам директор. Особенно популярен был мужской туалет на первом этаже, потому что он запирался изнутри. Остальные туалеты (и души, кстати) были начисто лишены ручек, запоров, и проходя по коридору, можно было легко наблюдать практически за всем, что происходит в душах, особенно учитывая, что плотно двери вообще не закрывались. Видимо это было сделано с целью прозрачности и недопущения нарушения дисциплины в этих санитарно-гигиенических помещениях.

Что касается алкоголя, естественно, дети пили. Наибольший интерес у меня вызывал вопрос: как? и где? И где они брали. Учитывая бетонный забор по периметру и суровую охрану в воротах, сбежать в магазин за недозволённым было в принципе невозможно. Оставалось два варианта — либо они привозили с собой, либо кто-то им приносил. Как показала жизнь, оба варианта присутствовали в тех или иных вариациях.

Любимым местом возлияний у детей был овраг. Этот овраг располагался в сторонке от здания и на краю территории лагеря. В овраге можно было укрыться от посторонних глаз, что было особенно актуально, учитывая, что остальная территория была плоская как блюдце и с минимумом растительности, соответственно видно там было всё, как на ладони.

Как правило, вечером там группировались группы детей (ну, обычно это были, естественно, старшие ребята — отряд первый-второй) и радовались жизни. Однажды мы накрыли там целую группу примерно в десять человек. Коктейли, пиво и более крепкие напитки наличествовали у них в достатке. Впоследствии выяснилось, что обеспечением занимались деревенские ребята, которые делали это, видимо, не просто так и осуществляли передачу купленного в магазине через запас-

ные решётчатые ворота, которые также находились в стороне от посторонних глаз.

Накрыв однажды эту самую группу, мы, естественно, сдали её администрации. Конечно, сначала ребята пытались вести себя по-разному, но деваться некуда — следы преступления были налицо.

Угадайте, что сделала администрация? Правильно, директор долго кричал в кабинете на этих детей (на линейке нельзя — не стоит же выносить сор из избы, у нас же образцовый лагерь, в нём же не пьют!). Так вот, директор долго кричал, потом в завершение своего монолога произнёс сакраментальную фразу: «Имейте в виду, на этот раз мы вас прощаем, но в следующий раз...». Далее последовала череда невероятных угроз со словосочетаниями: «Выгоним из лагеря», «Сообщим родителям» и так далее. И дети, и директор прекрасно знали, что всё это сказки.

Теперь о взрослых. Взрослые тоже пили. Я молчу о рабочих по зданию, слесарях и прочих электриках. Эти люди были пьяны всегда. По мудрому утверждению одной из моих коллег, это было их обычное состояние. В противном случае они не могли работать. Бог им судья, и я даже не беру этих людей во внимание.

Больше вопросов у меня к людям, которые непосредственно соприкасались с детьми. В первую очередь к директору. Директор любил играть в волейбол. Впоследствии эта любовь его стала причиной нашего отъезда из этого лагеря, но об этом в другой раз. Так вот, видимо, в волейбол играть в трезвом состоянии никак нельзя. Во всяком случае, трезвым обычно директор в волейбол не играл. А играл он, я вам напомню, с детьми. Причём дети были как в его команде, так и в команде соперника. Уверен, что дети были достаточно наблюдательны, чтобы отметить этот факт — во всяком случае, я отметил это достаточно случайно, а впоследствии и вожатые подтвердили мою догадку.

Следующими взрослыми, к которым у меня возникли кое-какие вопросы, были физруки. Однажды мне довелось быть участником замечательного по своему содержанию действия, которое покорило меня навсегда.

Было это вечером. Дискотека подходила к концу, дети фланировали по коридорам и неторопливо общались, развалившись в креслах. Директор тоже сидел в холле первого этажа и, видимо, расслаблялся. Это было одно из его любимых мест, там он частенько играл в шашки с Зоей Павловной — руководителем кружка «Юный барабанщик» или просто разговаривал с детьми.

Так вот, директор сидел в холле, а я находился в методическом кабинете. В этом кабинете обычно проходили планерки, собирались разные советы дел, пресс-центр и прочие разные группы. В этом кабинете также располагался компьютер, который находился в общем доступе, и при необходимости на нём можно было что-то печатать.

Дальше по коридору первого этажа располагался запасной выход на улицу — как правило, днём он был открыт, но не всегда. Окна методического кабинета выходили как раз на ступеньки этого выхода.

И вот однажды, когда солнце уже снижалось над Лысой горой... простите над «Солнышком», я, находясь в методическом кабинете, услышал стук в окно. Я отвлекся от экрана и увидел в окне физрука, который жестами мне показывал, что он хочет войти, а дверь запасного выхода закрыта. И что мне, мол, надо пойти к охраннику и либо взять ключ от этой двери, либо попросить его открыть её.

Я пошёл к охраннику, охранника на месте не оказалось, я взял ключ, краем глаза увидел, что директор в холле, и пошёл открывать запасной выход.

Когда я его открыл, я увидел что физрук там был не один — с ним была женщина, которую я так и не запомнил как зовут — запомнил только лишь, что она руководитель кружка «Оригами». Они вдвоём обдали меня такими винными парами, что я слегка растерялся.

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

Отступив на шаг, я тут же понял, что если эта парочка сейчас пройдёт мимо директора, то вряд ли они ещё будут работать в этом учреждении. Директор всё ещё сидел в холле, о чём я и не замедлил им сообщить.

Остатками разума они тем не менее смогли сообразить, что появляться перед ним им тем не менее не стоит, и попросили меня пошире открыть дверь методического кабинета и по стенке, под её прикрытием, прокрались в него.

На протяжении часа, пока директор продолжал расслабляться в холле, я вынужден был находиться в обществе этой феерической парочки. Они пытались рассказывать мне что-то, делиться своими житейскими трудностями, которых у них было во множестве в этом замечательном учреждении.

Наконец, спустя где-то час директор ушёл и, покачиваясь, эти двое ушли от меня в неизвестном направлении. Дети к этому времени ещё не спали.

Я проводил их, глубоко вздохнул и подумал о том, как же сурова и непроста жизнь простого российского педагога...

Директор

Со смешанным чувством я берусь за перо. Достоверно обрисовать ту многогранную фигуру, коей являлся директор этого замечательного лагеря Борис Петрович, довольно непросто. Я много уже упоминал в предыдущих писаниях об этой харизматической личности, и вот настало время попытаться очертить её полностью.

Из разговоров с наиболее вменяемыми и адекватными сотрудниками лагеря (таких, прямо скажем, было немного) мы узнали, что руководит директор лагерем и школой не так давно, всего третий год. До него на посту директора работали

разные люди, но преклонный возраст и болезни делали своё дело и предшественники нашего героя уже покинули этот мир.

До этого директор работал где-то очень далеко — то ли в Петропавловске-Камчатском то ли во Владивостоке. В общем далеко. Да к тому же он бывший военный. Эта информация окончательно расставила всё на свои места.

В первый раз директора мы увидели на инструктиве, и он честно сообщил нам, что он «вспыльчивый человек». Чуть позже я убедился, что он лукавил или недостаточно точно себя оценивал (скорее второе). Он был не вспыльчив. Он был просто неадекватен.

Первую неделю второй смены, в течение которой я имел счастье общаться с Борисом Петровичем, я наблюдал и делал выводы. Потом я понял, что иначе кроме как к произведению искусства к нему относиться нельзя и настойчиво пропагандировал такое же отношение среди вожатых. В самом деле — как реагировать на противоречивые указания, которые физически невозможно выполнить, да ещё учитывая, что они даются в виде пятнадцатиминутного крика?

Особо впечатлительных девушек-вожатых по очереди успокаивали мы с Катей, за некоторыми мне было просто обидно, но я понимал, что вряд ли с этим можно что-то поделать. Именно это я и пытался объяснить вожатым.

Отстранённо наблюдать за директором было довольно забавно. Он, видимо, постоянно чувствовал на себе мой любующийся взгляд и от этого чувствовал себя неуютно. А я, честное слово, получал удовольствие. Потому что такие эмоции, такой пафос доводится встречать не часто. В моменты, когда директор был в ударе, (а это, как правило, было на линейках и планёрках), он был совершенен и органичен — как хорошее произведение искусства. Было в нём что-то одновременно от классических драматических душегубов типа Квазимодо или Мефистофеля и вели-

чайших злодеев типа Адольфа Гитлера и Муссолини.

К сожалению, этой потрясающей способностью кричать в течение от пятнадцати минут до получаса и исчерпывались организаторские возможности Бориса Петровича. Большинство совершённых им педагогических и организаторских действий заставлял меня с каждым разом всё больше и больше сомневаться в его хоть каких-то педагогических способностях.

Например, уже в третьей смене, ближе к концу первой отряд выгнал воспитательницу. Взял и выгнал. Не понравилась она им. Много воспитывала, надоедала, стояла над душой. Нормальная такая себе ситуация.

Так вот, разбираясь в этой ситуации, директор предпринял следующие педагогические меры. Воспитательница была отправлена работать на кухню посудомойкой. Мотив — не справилась со своей работой. Вместо неё попытались назначить другую воспитательницу, но все сотрудники как один отказались (дураков нет). Тогда было найдено поистине гениальное решение. Директор пришёл в отряд, долго увещевал самых злостных нарушителей дисциплины, а в конце назначил воспитателем девочку из их числа. Видимо с той целью, чтобы она осознала все тяготы суровой воспитательской работы.

Я себе это так рельефно представляю: девочка моментально преисполняется ответственности и начинает активно строить своих товарищей по отряду, запрещая им курить, ругаться матом и вообще пропагандируя любовь к ближнему. Её товарищи её игнорируют, и тогда она в слезах падает в ноги директору и сквозь рыдания рассказывает ему, что она всё осознала и больше так никогда не будет.

Дальше всё развивалось, как и должно было развиваться. Девочка радостно нацепила бейджик воспитателя и гордо его

носила. На этом её функции и закончились. Единственное что в ней изменилось — наглости стало больше.

Разных таких ситуаций было очень много, некоторые из них я уже приводил (про кражи, например), некоторые может ещё вспомню, когда придутся к слову.

Главным воспитательным инструментом лагеря директор считал кружки. Кружки в его представлении были панацеей от всех бед, самым святым и главным в лагере. Отвлечь ребёнка от кружка было нельзя ни в коем случае. Если ребёнок скучал или хотел домой, предписывалось срочно вести его в кружок.

Так вот, возвращаясь к монологам, повторяю, что кроме как хорошее драматическое искусство воспринимать их было просто нельзя. Иначе психика очень быстро приходила в совершенно невменяемое состояние. Мне было искренне жаль воспитателей этого лагеря (всех — и адекватных и не очень), которые там работали. Однажды одна из наиболее приятных и всё понимающих женщин, с которой мы разговорились, и я ей рассказал про наш лагерь актива, просто-напросто разрыдалась. Я немного растерялся, потом она понемногу успокоилась и рассказала мне, что у них нет больше никакой возможности получать хоть какие-то деньги кроме как работать в этом несчастном лагере. В отличие от всех иных учреждений в лагере были московские зарплаты, да ещё и некоторые надбавки. Отличались они от местных, областных, в десятки раз. А цены-то были все московские. Москва была всего в тридцати километрах. Рядом всюду строились коттеджные поселки и танхаусы.

Всё это создавало условия для поистине рабовладельческого строя. Действительно, можно делать с людьми всё что угодно, им всё равно больше некуда идти и негде работать. А детей и семью кормить надо.

Унижений и хамства там было предостаточно. Директор мог позволить себе при всех на планерке делать бестактные замечания пожилым женщинам, кричать на них. Остальные делали вид, что это нормально. Больше не хочу об этом писать — противно.

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

Что касается детей, то директор их любил. В один из последних наших разговоров он совершенно искренне заявил мне, что все дети в этом лагере прекрасные, замечательные и удивительные, а все проблемы лагеря (кражи, мусор, хамство воспитателям и всё остальное) объясняются лишь непрофессионализмом педагогического состава.

К слову, о профессионализме. Одним из главных критериев качества смены для директора была тишина в столовой. Он вставал над обедающими детьми с мегафоном и громко увещевал их, делая замечания то одному, то другому отряду.

Волей-неволей всё время пребывания в этом лагере мне вспоминался замечательный фильм режиссёра Элена Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён». Помните, товарищ Дынин дирижировал в столовой — «Когда я ем, я глух и нем...»?

И ещё куча моментов прямо-таки заставляла думать, что этот фильм специально использовался в этом лагере как методическое пособие. Родительский день, например.

Я ловил себя на мысли, что ничегошеньки не изменилось. Только в фильме всё это было гипертрофировано специально, с целью подчеркнуть абсурдность происходящего, а здесь это было на полном серьёзе, как в какой-то невероятной фантазмагории, театре абсурда, как будто время в этом лагере остановилось, и те далёкие семидесятые годы до сих пор делятся — только техники стало побольше. А так...

А директор в своих ежедневных криках на линейке: «В моём детстве не было таких лагерей! Мы жили в палатках! А вы? Свиньи, хамы, скоты...» Так и всплывает опять товарищ Дынин: «Когда я был маленьким, у меня тоже была бабушка...»

Если бы мне кто-то рассказывал эту историю, я, честное слово, счёл бы его выдумщиком. Но иногда бывает так, что жизнь оказывается почище самой фантастической выдумки.

Так было и здесь. Будто и не прошло сорока лет с момента выхода этого фильма. Везде всё поменялось, а здесь нет. Будто застыло время...

Не удержусь и расскажу ещё одну забавную историю.

В один прекрасный момент по ряду причин было решено отменить дискотеки. Эта мера, как я уже рассказывал вам, использовалась в лагере как наиболее серьёзная угроза, несмотря на то, что на неё все плевали с шестнадцатого этажа. Но для видимости делали вид, что все боятся и напрягаются.

Так вот дискотеку директор отменил. Возник вопрос: чем занять вечером ребят? У директора созрела прекрасная мысль, которую он не замедлил огласить на планёрке — решено было показать приключенческий патриотический фильм «Неуловимые мстители». Как известно, этот фильм состоит из нескольких частей, каждая из которых ещё и не из одной серии. Директор справедливо счёл, что до конца смены хватит. На фильм были возложены огромные надежды по нравственному воспитанию детей.

«Это замечательный фильм, не чета современным, — вещал на планёрке директор, — мы должны показывать ребятам наше, российское кино, которое поможет воспитать в них чувство патриотизма, любви к Родине...»

Это продолжалось довольно долго.

Днём уполномоченная директором Татьяна Александровна поехала в Солнечногорск и приобрела dvd-диск с этим нетленным шедевром советской кинематографии. Видимо, в силу отсутствия некоторого опыта в сфере современных информационных технологий она не знала о некоторых различиях между фильмами на dvd-дисках и купила сразу все фильмы на одном диске.

Качество там было 320 на 240 точек. Для несведущих — примерно такое разрешение у экранов современных мобильных телефонов. При демонстрации на большом экране лица напоминали мозаику из цветных кубиков.

Со звуком тоже было далеко не всё ладно, поэтому заботливые создатели dvd-версии вшили в картинку титры. Намертво.

Ровно на пятой минуте фильм заклинило, и dvd-проигрыватель отказался показывать этот чудо-диск. Все усилия специально привлечённых взрослых ни к чему не привели.

А дети уже сидят в зале, и следовательно, им надо что-то показывать. После очередной попытки, когда стало окончательно ясно, что «Неуловимых» мы уже не посмотрим, пришлось срочно искать хоть что-нибудь, и этим «чем-нибудь» оказался диск с выпусками мультфильма «Том и Джерри». Качество такое же — 320 на 240. Этот диск хотя бы работал.

Я порадовался за нравственное воспитание и чувство патриотизма и пошёл за компьютер — составлять расписание очередного дня... **В.Ш**